

"В маленькой запертой башне, которую никогда не посещал ни один студент Хогвартса, находится древняя книга, к которой не прикасались человеческие руки с тех пор, как четыре основателя поместили ее туда по завершении строительства замка. Рядом с книгой, переплетенной в облупившуюся черную драконью шкуру, стоит маленькая серебряная чернильница, из которой торчит длинное выцветшее перо. Это Перо Принятия и Книга приема, и они представляют собой единственный процесс, с помощью которого студенты отбираются в Школу Чародейства и Волшебства Хогвартс.

Если кто-то и понимает, какая мощная и длительная магия заставляет эту книгу и перо вести себя так, как они, они никогда не признавались в этом, несомненно, потому, что это избавляет персонал от утомительных объяснений родителям, которые в ярости от того, что их дети не были отобраны в Хогвартс. Решение Книги и Пера считается окончательным, и ни один ребенок никогда не был допущен, чье имя не было сначала написано на пожелтевших страницах книги.

В тот самый момент, когда ребенок впервые проявляет признаки магии, Перо, которое, как полагают, было взято у Авгура, выплывает из чернильницы и пытается написать имя этого ребенка на страницах Книги. Известно, что перья авгуров отталкивают чернила, а чернильница пуста; никому никогда не удалось точно проанализировать, что представляет собой серебристая жидкость, вытекающая из зачарованного пера.

Те немногие, кто наблюдал этот процесс, согласны с тем, что Перо может быть оценено более снисходительно, чем Книга. Для Пера достаточно простого дуновения магии. Однако Книга часто захлопывается, отказываясь быть написанной до тех пор, пока не получит достаточно убедительных доказательств магических способностей.

На самом деле, строгость Книги имеет свою цель: ее послушной список в том, чтобы держать сквибов подальше от Хогвартса, идеален. Немагические дети, рожденные от ведьм и волшебников, иногда имеют небольшую остаточную магическую ауру вокруг них из-за своих родителей, но как только магия их родителей стирается, становится ясно, что у них никогда не будет способности выполнять заклинания. Чувствительность Пера в сочетании с неумолимостью Книги еще ни разу не допустили ошибки. - Р. Джоанна"

У Минервы МакГонагалл был прекрасный день. Статья, которую она читала о процессе приема, была хорошо детализирована и хорошо изучена, и, хотя она не была полностью точной, многие важные части были правильными.

Она рассеянно потягивала свой скотч, когда повернулась, чтобы посмотреть на одно из своих личных зачарованных перьев, которые работали над стопкой пергамента, записывая последние письма для принятых студентов за год. Он был магически связан с Книгой допуска, используя ее магию, чтобы записать их имена и адреса до последней детали на конверте. Перо было ответственно за множество отказов магглорожденных каждый год в течение довольно долгого времени, так как большинство из них находили странным и жутким, насколько точно буквы знали свое местоположение. Но перо сопротивлялось любым попыткам модификации. Он был приверженцем своих собственных правил.

Поэтому МакГонагалл регулярно просматривала и стирала большую часть личных данных, которые, возможно, было записано пером. Это не было частью ее работы, но она делала это из чувства долга перед теми магглорожденными магами, которые заслуживали шанса использовать свои способности и иметь будущее в месте, где они принадлежали.

Со вздохом она поставила свой скотч на стол перед собой. В последнее время она слишком много пила. Воспоминания о войне в ее худшем проявлении были более естественными в это время года, когда конфликт был бы в самом расцвете все эти годы назад, и с этими воспоминаниями пришли мысли о ее муже и ее друзьях, которые отдали свои жизни на войне, отправляя ее в пьяную спираль, которую Альбус Дамблдор часто должен был прийти и положить конец.

А еще был Гарри Поттер.

Она сказала себе, что относиться к нему иначе, чем к любому другому студенту, было бы плохой услугой и ему, и себе. Но как она могла относиться к сыну Джеймса и Лили, как к любому другому студенту? Но она постарается, пообещала она себе. Она сожалела, что позволила Дамблдору поместить его с этими магглами. Каждый год она ходила и проверяла его каждый год, всегда находя его слишком маленьким для своего возраста, носящим одежду в три раза больше его размера и большую часть времени работающим в саду.

Но задним числом было двадцать на двадцать. Кроме того, она чувствовала, как кровавые береги окружают Суррей-чувствовала, как они оценивают ее ценность и намерения, прежде чем позволить ей пройти. Гарри Поттер был неприкасаем в этих палатах. В этом не было никаких сомнений. И если что-то и стоило ее страданий и вины, так это безопасность Гарри.

Макгонагалл пошла за своим скотчем, чтобы сделать последний глоток.

Возможно, в другой реальности, где она была более пьяна, чем сейчас, она бы столкнула свой стакан со стола на землю, разбив его вдребезги. Затем, еще более раздраженная, чем раньше, она не стала бы просматривать эту последнюю пачку писем и махнула бы на них своей палочкой, отправляя их прямо в Почтовое отделение, которое делегировало профессоров для обработки магглорожденных и отправило остальные письма для отправки.

Однако в этой реальности она сделала глоток, поставила стакан обратно без происшествий и подошла к стопке писем, чтобы просмотреть письма. Стерев номера спален с адресов двух магглорожденных детей, она, наконец, подошла к самому младшему ученику года.

Смушение, чувство вины и гнев захлестнули ее в сильном водовороте эмоций, когда она посмотрела на письмо в своей руке.

Г-н Г. Поттер

Чулан под лестницей

4 дом по Тисовой аллее

Литтл Уингинг

Суррей

У Минервы МакГонагалл был прекрасный день. До этого момента.

<http://tl.rulate.ru/book/56004/1477216>